ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

А.В. Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

ЛЕКЦИЯ И.А. БУНИНА «ВЕЛИКИЙ ДУРМАН» И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ ПИСАТЕЛЯ

Автор статьи рассматривает лекцию И.А. Бунина «Великий дурман» (1919) как фактор, существенно повлиявший на формирование послереволюционной литературной репутации писателя. Если до Октября 1917 года Бунин считался в России второстепенным, хотя и весьма талантливым беллетристом, то в эмиграции он воспринимался уже как «живой классик», мэтр. По мнению автора статьи, начало этому «превращению» было положено в Одессе в годы Гражданской войны, когда Бунин впервые определенно и во всеуслышание заявил о себе как писатель-патриот и убежденный противник «великой русской революции».

Ключевые слова: *И.А. Бунин, лекция, «Великий дурман», литературная репутация, революция.*

The author of the article considers I.A. Bunin's lecture "Great intoxication" (1919) as a factor which influenced the post-revolutionary literary reputation of this writer. Before the October revolution Bunin was considered a second-rate tough rather talented belletrist but he was perceived as "a live classic", the master in emigration. In our opinion the beginning of this "transformation" started in Odessa during Civil war when for the first time Bunin declared himself as writer-patriot and a determined opponent of "the great Russian revolution".

Key words: *I.A. Bunin, the lecture, "Great intoxication", the literary reputation, the Revolution.*

«Великий дурман» — по существу, единичный случай обращения И. А. Бунина к столь не характерному для него жанру лекции [Подробнее: Бакунцев, 2012, с. 101—112]. Ни до, ни после «Великого дурмана» Бунин лекций как таковых никогда не читал. Правда, в 1914 году газеты сообщали о его намерении «написать лекцию о русских писателях последних дней» и выступить с ней «перед публикой»[1]. Однако замысел этот вопло-

[1] <*Б. п.*>. У И.А. Бунина: Беседа // Московская газета. 1914. 21 апр. № 310. С. 6. Цит. по: «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902—1917) / Предисл., подгот. текста и примеч. Д. Риникера // И.А. Бунин: Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2004. Вып. I. С. 553. Бунинская лекция «о русских писателях последних дней» должна была стать частью организованного Российской академией наук цикла публичных лекций о русской литературе. Предполагалось, что, помимо Бунина, читать будут также академики Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.Н. Веселовский и Н.А. Котляревский (см.: там же).

щен не был[2]. А в эмиграции и вовсе желания становиться лектором у писателя не возникало. Даже на нобелевских торжествах, которые, помимо церемонии награждения, всевозможных банкетов, визитов, экскурсий и т.п., предполагали также выступления лауреатов с публичными лекциями, Бунин ухитрился уклониться от исполнения этой почетной обязанности. Его краткую речь, произнесенную на банкете после получения премии, Шведская академия «зачла» ему за такую обязательную нобелевскую лекцию[3].

Впрочем, если верить интервью, которое еще в 1916 году Бунин дал петроградской газете «Биржевые ведомости», то писатель *в принципе* не любил выступать перед публикой. Интервьюеру он сказал: «Я, признаться, не особенный поклонник всяких выступлений с эстрады вообще, и когда мне приходится лично читать на вечерах, то я смотрю на это, как на весьма неприятное положение. Ведь публика ждет так называемых “высоких” слов, декламации, а все это мне чуждо, и мне кажется, что я не умею устанавливать связи между собою, как чтецом, и публикой. В интимном кругу друзей я читаю с удовольствием, но выступать вообще, на эстраде, не люблю...»[4].

Насчет «связи между собою, как чтецом, и публикой» Бунин, конечно, скромничал: русская публика, как дореволюционная, так и эмигрантская, очень высоко оценивала его исполнительское мастерство. Так, по свидетельству газеты «Русское слово», творческий вечер Бунина, состоявшийся 8 декабря 1915 года в Московском Политехническом музее, «прошел в сплошных аплодисментах

---

[2] Как предполагает Д. Риникер, Бунин «решил вместо публичной лекции написать статью о современной литературе, которую обещал в 1915 г. Горькому для публикации в журнале “Современник”» (там же. С. 553—554). Однако такая статья тоже не была написана. Судя по ее черновым наброскам, она повторяла некоторые положения знаменитой бунинской речи на юбилее «Русских ведомостей» и одновременно предвосхищала ряд тезисов «Великого дурмана»: «Оторванность от жизни, незнание ее, книжность, литературщина — гибель от нее: Бальмонт, Брюсов, Иванов, Горький, Андреев. И это “новая” литература, “добыча золотого руна”! Кописты, архивариусы! Подражание друг другу да что же! Так легче писать!...» (там же. С. 554).

[3] См.: *Троцкий И.* Что рассказывают о своих сыновьях матери ученых — Нобелевских лауреатов (От специального корреспондента «Сегодня») // Сегодня (Рига). 1933. 17 дек. № 348. С. 2. Речь была произнесена по-французски. Ее дословный перевод в те же дни напечатала газета «Сегодня» (см.: *Троцкий И.* «Кто я такой? — Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции», — заявил И.А. Бунин в своей речи в Шведской академии // Сегодня (Рига). 1933. 11 дек. № 342. С. 1). Оригинальный русский текст речи и ее перевод на французский язык даны в бунинском очерке «Нобелевские дни», который впервые был опубликован (под заглавием «Записи») в еженедельнике «Иллюстрированная Россия» (1936. 7 марта. № 11. С. 2—3; 4 апр. № 15. С. 1—2, 4).

[4] *Фрид С.* И.А. Бунин о новой литературе // Биржевые ведомости (Петроград). 1916. 14 апр. № 15498. Вечерний выпуск. Цит. по: Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. С. 380.

и овациях... Публика как бы спешила воспользоваться публичным выступлением писателя, чтобы ярче, полнее и теплее выразить ему свою благодарность и симпатии...»[5]. Примерно так же о бунинских творческих вечерах отзывалась «контрреволюционная» печать Одессы, а затем и Русского зарубежья.

В любом случае, что бы ни говорил Бунин о своем отношении к необходимости «лично читать на вечерах», ему, так же как множеству других русских литераторов, приходилось это делать довольно часто — причем и до революции, и в годы Гражданской войны, и в эмиграции. Ведь публичное чтение собственных произведений не только способствовало росту писательской известности, но и приносило дополнительный заработок. Однако своим «Великим дурманом» Бунин, очевидно, преследовал совсем иные цели. Какие же именно?

С одной стороны, в самом обращении к жанру лекции — с ее сугубо монологической формой изложения материала, с ее более или менее явно выраженной дидактичностью и соответственно с ее возможностями целенаправленного интеллектуального и эмоционального воздействия на аудиторию — легко усмотреть (вслед за швейцарским исследователем Д. Риникером) стремление Бунина создать себе «определенную литературную репутацию»[6].

Многое и в тексте «Великого дурмана», и в отзывах о нем одесских журналистов как будто говорит в пользу этой гипотезы. Так, от рецензентов не ускользнул своеобразный бунинский «я-центризм», который выражался как в принципиально субъективном, «пристрастном» взгляде писателя на «великую русскую революцию», так и в его настойчивом, насколько можно понять, подчеркивании собственной литературной и общественной значимости. Одних — как П. С. Юшкевича, сотрудника меньшевистских газет «Южный рабочий», «Грядущий день» и «Одесские новости», — этот «я-центризм» раздражал[7], другим — как журналисту, краеведу, обще-

---

[5] Цит. по: *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. М., 2004. С. 218.

[6] «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902—1917). С. 453.

[7] «Если поверить академику Бунину, — писал П. С. Юшкевич в газете “Грядущий день”, — то все случившееся за последние два года произошло потому, что русское общество недостаточно прислушивалось к голосу автора “Деревни”. <...> “Я не злорадствую”, — скромно заявил поэт. “Но я должен и буду говорить жестокие слова”... “Я буду упрямо твердить”... “Я, я, я”... Ущемленный какими-то неведомыми фармацевтами еще много лет назад и заговоривший вдруг тоном пророка Бунин действительно “упрямо твердил” о своем знании народа, как единственно правильном... Бунин действительно “рек” — в стихах и прозе — очень много ценного, — хотя, разумеется, было бы лучше, если бы он предоставил об этом говорить другим, а не распространялся так много на эту тему сам» (*Юшкевич П.* Революция перед судом художника (Из лекции Бунина) // Грядущий день (Одесса). 1919. 23 сент. № 4. С. 3).

ственному деятелю А.М. де Рибасу — казался вполне оправданным[8]. Однако даже жена Бунина была не вполне «удовлетворена» лекцией, и смущал в ней Веру Николаевну именно избыток «личного»[9].

Несомненно, подобное бунинское «яканье», причем не только в «Великом дурмане», но и в других как устных, так и печатных выступлениях писателя, носило вполне осознанный характер. В ноябре 1919 года, отвечая на нападки социалистических и близких им по духу изданий — «Южного рабочего», «Одесских новостей», «Современного слова», — Бунин прямо писал, что в своей деятельности публициста он руководствуется следующим принципом: «Вот что чувствую и думаю *лично я* и *в данный момент*»[10]. При этом он открыто причислял себя к категории «людей, все-таки не совсем рядовых»[11] и даже более того — именовал себя (как, например, в статье «Не могу говорить», написанной за пять месяцев до «Великого дурмана») «Божиею милостью не последним сыном своей родины»[12].

Между тем в формировании определенного общественного мнения о Бунине как о крупном писателе, патриоте участвовала и одесская пресса — больше всего, конечно, «Южное слово». Например, в отчете о концерте одесского отделения Освага (Отдела пропаганды при Добровольческой армии), который состоялся 30 августа (12 сентября) 1919 года и на котором Бунин прочел некое «слово к моменту»[13], газета назвала его «нашим славным современником» и без тени иронии повторила его же самохарактеристику из статьи «Не могу говорить», приведенную выше[14]. А в рецензии на «Великий

---

[8] «Русский народ, — писал в “Одесском листке” А.М. де Рибас, — разнузданный и зазнавшийся, показал всем свое настоящее, звериное, лицо и стал зверски расправляться со своими же освободителями. Это *надо* было предвидеть. И Бунин это предвидел. Едва ли не он один из всех русских писателей. <...> Что собственно хотел доказать Бунин? Что если бы послушались его, то в России не произошло бы революции? Но ведь он сам признается, что и он, вместе с другими, в распутинское время жаждал революции! <...> Значительность лекции Бунина не в силе ее логических построений. Она вся целиком — в личности лектора» (*Рибас де А.* Фельетон. О второй лекции Бунина // Одесский листок. 1919. 25 сент. (8 окт.). № 127. С. 4).

[9] См. ее дневниковую запись от 24 сентября (7 октября) 1919 г.: «...с некоторыми мелочами я не согласна. Мне хотелось бы, чтобы было меньше личного» (Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М. Грин; предисл. Ю. Мальцева. М., 2004. Т. 1. С. 259).

[10] *Бунин Ив.* Заметки // Южное слово. Одесса, 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1. Курсив И.А. Бунина.

[11] Там же.

[12] *Бунин Ив.* Не могу говорить // Наше слово (Одесса). 1919. 20 марта (2 апр.). № 1. С. 3.

[13] Скорее всего, это была статья «Не могу говорить».

[14] См.: *Янв<арск>ий А.* Концерт Отдела пропаганды // Южное слово (Одесса). 1919. 1 (14) сент. № 6. С. 4.

дурман» было сказано, что в этой лекции «И.А. Бунин вновь вырастает во весь свой исполинский рост великого художника слова»[15].

Нельзя сказать, что все эти усилия были вполне успешными: травля, развернутая левой периодикой в отношении Бунина осенью 1919 года в ответ на ряд его публицистических «Заметок» в «Южном слове»[16], свидетельствует о том, что общественный авторитет писателя был признан далеко не сразу и далеко не в полной мере. Тем не менее устные и печатные выступления самого Бунина, а также публикации его апологетов в «Южном слове» и других периодических изданиях Одессы сыграли заметную роль в формировании нового, более благоприятного отношения к писателю со стороны сначала одесской, а затем и эмигрантской общественности. Так что в конечном счете прежний «подмаксимок», беллетрист и поэт якобы второго плана, заслоненный в глазах дореволюционной публики фигурами М. Горького, Л. Андреева, А. Блока, сделался почти безоговорочным литературным лидером и корифеем, «живым классиком», «писателем земли русской», если и не равным Л. Толстому и А. Чехову, то во всяком случае стоящим с ними в одном ряду. И едва ли не главную роль в этом «превращении» сыграл именно «Великий дурман».

Вместе с тем сводить весь смысл тогдашней деятельности Бунина исключительно к созданию «определенной литературной ре-

---

[15] *Иванов А.* Великий дурман // Там же. 10 (23) сент. № 15. С. 3.

[16] Например, 13 (26) ноября 1919 года меньшевистские «Одесские новости» в рубрике «Газетный день» писали: «Весь нахохлившись от высокомерия, с улыбкой презрения на устах, Ив. Бунин говорит о себе великие вещи в маленьких “Заметках”. “Знаю, что не подобает мне связываться с базаром. В Одессе после моей лекции о русской революции, после двух, трех моих статей в газете, начали дерзить мне”. Несмотря на “crimen laesae majestatis” [лат. — преступление, заключающееся в оскорблении величества], августейший писатель удостаивает “базар” кратковременной беседы на тему о том, “что чувствую и думаю лично я в данный момент, я, Ив. Бунин, я, я, я...” А вот что: “Я не правый и не левый, я был, есмь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни, злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило”. Господи, Ты создал человека по образу и подобию своему. “Я был, — в силу того, что прежде верил в людей немного больше, чем теперь, — приверженцем республик, теперь же стал несколько сомневаться в них, — не делайте, пожалуйста, страшных глаз на меня, не запугаете”. Вовсе не страшные, а большие глаза. Как! Значит и Вы, Ваше Величество, оставаясь “непреклонным врагом всего глупого”, попивали республиканское винцо? Теперь вы прозрели. Теперь вы уверены, “что из русского ‘народовластия’ выйдет опять гнуснейшая и кровавейшая чепуха, — видели мы и видим это ‘народовластие’, показало оно себя!” Что же прикажете делать? Кому присягать? На кого молиться? Забудьте на минуту о себе, о Бунине, и подумайте о России. Скромно, без ссылок на “людей, все-таки не совсем рядовых”, разберитесь, посоветуйте, помогите. Не зажимайте нос, когда проходите мимо народа. С ним ведь жить придется! Вы “не русофоб, не германофоб, не англофоб, не румынофоб и не юдофоб, хотя...” Все это очень хорошо. Но вы слишком больной бунинофил. Это плохо!.. Особенно, когда, проливая слезы над Россией, вы все время озабочены мыслью, к лицу ли вам глубокий траур...» (<*Б. п.*> Маленький человек в большом писателе // Одесские новости. 1919. 13 (26) нояб. № 11058. С. 1.)

путации» — это значит ставить под сомнение искренность его чувств и недооценивать глубину той нравственной драмы, которую писатель *действительно* пережил в годы революции и Гражданской войны. То, о чем Бунин говорил в своей лекции, было для него не абстракцией, не игрой ума: крушение российской государственности, сопровождавшееся потерей прежних ценностных ориентиров, он воспринимал как личную утрату. К тому же очередная «русская смута» коснулась и его лично. «Эксцессы» революции писателю довелось испытать на себе и в Глотове, и в Москве, и в Одессе. И ему не раз грозила реальная опасность.

Особенно тяжелое воспоминание оставили по себе неполные пять месяцев (с апреля по август 1919 года) большевистского владычества в «южной Пальмире». О том, что писателю пришлось пережить за это время, рассказано не только в «Окаянных днях» и дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной, но и в бунинских письмах родным и близким[17].

Так, доктору И.С. Назарову В.Н. Муромцева-Бунина писала 29 сентября (12 октября) 1919 года: «Физически нам приходилось страдать только от недоедания, так как у нас прислуга оставалась все время, и сами мы воды не носили и жили барами. Морально же пришлось пострадать порядочно, так как у большевиков не было ничего святого и ко всему они прикладывали свои не совсем чистые руки. Особенно было тяжело от половины мая до середины июля, когда, с одной стороны, с каждым днем все ухудшались и ухудшались условия жизни... а с другой, начался настоящий террор: хватали и как контрреволюционеров и как заложников. <...> Ивана Алексеевича немного потравили в газетах[18], затем ходили

---

[17] См.: *Бунин И.А.* Письма 1905—1919 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова. М., 2007. С. 408—409; Бунины и М.А. Волошин: письма 1919 года / Публ. Ж. Шерона // И. А. Бунин: Новые материалы / Сост. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. Вып. II. С. 505—506; Письма В. Н. Муромцевой-Буниной / Публ. М. Грин // Новый журнал (Нью-Йорк). 1977. Кн. 128. С. 127—139.

[18] 12 (25) апреля 1919 года Муромцева-Бунина записала в дневнике: «Яна стали травить в “Известиях”. Пишут, между прочим, что “нижняя часть его лица похожа на гоголевский сочельник”. Что это значит, мы так и не поняли. Перелистала даже Гоголя, но и он не помог» (Устами Буниных. Т. 1. С. 200). Ср. с записью от 24 апреля 1919 года в «Окаянных днях»: «В “Известиях” обо мне уже писали: “Давно пора обратить внимание на этого академика с лицом гоголевского сочельника, вспомнить, как он воспевал приход в Одессу французов!”» (*Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990. С. 85—86). Бунины имели в виду «Воспоминания» какого-то Александра Ф. (возможно, секретаря Одесского исполкома, анархиста А. Фельдмана), напечатанные 20 апреля 1919 года в одесских «Известиях». В этих «Воспоминаниях» есть такие строки: «...в воображении выплывают знакомые образы, и нет к ним прежней злобы, а жалостно улыбаться заставляет то существо, звание которому — многоречивый российский интеллигент. Маячат две фигуры — академик Бунин и социал-демократ Коробков. Вспоминается праздничный номер “Одесского листка” с приветствием “Добро пожаловать, дорогие гости!” и тут же послание пламенного

слухи, что его возьмут в заложники[19], но, к счастью, этого не случилось. А то недели три неприятно бывало по вечерам. Мы вообще счастливо отделались»[20].

Эти пять месяцев «под серпом и молотом» окончательно убедили Бунина в его полной несовместимости с «рабоче-крестьянской властью». Вероятно, именно они и «подсказали» ему замысел будущей лекции, материал для которой постепенно накапливался в его дневнике в предшествующие годы. Сама же лекция стала своего рода «криком души» писателя, который, по его же собственному выражению из давнего, 1916 года, интервью «Биржевым ведомостям», оказался «насыщенным страшными впечатлениями» и захотел «рассказать их»[21].

В этом смысле «Великий дурман», несомненно, предварил «Окаянные дни», в основе которых, как нам представляется, помимо собственно дневниковых записей писателя лежит и текст его одесской лекции.

Список литературы

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» в отзывах одесской прессы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2012. № 1.

Поступила в редакцию
27.02.2012

поэта-патриота к варягу, заканчивающееся призывом: “Смири скота, низвергни демагога!” <...> Рисуется такая картина. Пустынный Николаевский бульвар... По холодным аллеям неврастенично порхает птичья фигура академика. Ему холодно; определенная часть лица давно уже превратилась в гоголевский “сочельник”, но он не уходит, положение поэта обязывает, он ждет вдохновенья и первого крейсера» (*Ф.А.* Воспоминания // Известия Одесского совета рабочих и солдатских депутатов. 1919. 20 апр. № 18. С. 2).

[19] Для Бунина, чьи антисоветские воззрения были известны всей Одессе, это было бы равнозначно верной смерти. Попади он в чекистский застенок, его, несомненно, подвергли бы там издевательствам, истязаниям и в конечном счете «размену», как в Одессе цинично называли расстрел. От всего этого писателя спасала только «охранная грамота», добытая для него художником П.А. Нилусом в первые недели большевистского владычества в Одессе. Тем не менее абсолютной неприкосновенности Бунину не мог гарантировать даже этот документ. О произволе и зверствах одесской ЧК в отношении «буржуев» и «контрреволюционеров» в апреле—августе 1919 г. см.: *Авербух Н.И.* Одесская «чрезвычайка»: Большевистский застенок (Факты и наблюдения). Кишинев, 1920; *Мельгунов С.П.* Красный террор в России (1918—1923). Чекистский Олимп / Предисл. Ю.Н. Емельянова. 2-е изд., доп. М., 2008; Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Фельштинского и Г. Чернявского. М., 2004; Красный террор глазами очевидцев / Сост., предисл., примеч. С.В. Волкова. М., 2010. С. 93—172; Устами Буниных. Т. 1. С. 214—250 и др.

[20] Цит. по: *Бунин И.А.* Письма 1905—1919 годов. С. 409.

[21] *Фрид С.* И.А. Бунин о новой литературе... Цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 379.